

— Кто вообще здесь начальник?! — раздражённо бросил он.

— Еще нет! — с каменным лицом ответил тот.

Фу Сиянь тут же объявил:

— А мы зато добыли отличный улов.

Взгляд Чжан Дашаня блеснул:

— Какой еще улов?

Фу Сиянь поманил его пальцем. Дождавшись, пока Чжан Дашань подастся вперед, он понизил голос и зловеще произнес:

— Какой-то негодяй хочет меня убить!

Из-за того, что говорил Фу Сиянь слишком тихо, Чжан Дашань даже не разобрал, сказал тот «негодяй» или «поганец».

Фу Сиянь продолжил:

— Вчера в полдень какой-то голубь подмешал яд в мою еду.

При упоминании голубей взгляды всех присутствующих невольно обратились к углу комнаты, где стояла голубятня. Клетка была накрыта черным тряпкой, внутри царил полная тишина, и невозможно было понять, есть ли там птицы. Чжан Дашань поспешил оправдаться:

— Это не я. Я последние несколько дней вообще не выпускал голубей.

— О?

— Правда?

— Да неужели?

После этого ехидного тройного допроса Фу Сиянь, не дожидаясь ответа, заговорил сам с собой:

— Если кто-то попытается отравить меня один раз, будут и второй, и третий. Я не могу сидеть

сложив руки и ждать смерти. Я возвращаюсь в лагерь, чтобы лично доложить об этом командующему!

Чжан Дашань отрезал:

— Местонахождение принцессы до сих пор не установлено, самовольно покидать пост нельзя! С тем, что тебя отравили, я разберусь сам.

Фу Сиянь подумал про себя: «Ты хочешь разобраться не с делом, а со мной, верно?»

Но Фу Сиянь и слушать его не стал. Он принялся распинаться о том, как ценна его жизнь и как важно ему немедленно вернуться. Чжоу Чжунсинь и Чжоу Гэнг тут же принялись поддакивать ему вразнобой. Не выдержав этого шума, Чжан Дашань гневно рявкнул:

— Я уже пообещал защитить тебя, чего еще тебе нужно?!

Фу Сиянь внезапно умолк, вытащил из-за пазухи два листа бумаги — один большой, другой поменьше — и протянул Чжан Дашаню маленький:

— Раз так, я тебе поверю. Я уже записал всё, что связано с отравлением. Перешли это с голубем в военный лагерь, пусть командующий Чу и третий принц лично ознакомятся.

Чтобы Чжан Дашань или Чу Гуан не вздумали нарушать приказ за его спиной, на этом крошечном клочке бумаги с трудом уместилось даже напутствие: «На суд Третьего принца и господина Чу».

Чжан Дашань посмотрел на заранее подготовленную записку и невозмутимо спрятал ее:

— Хорошо.

Тогда Фу Сиянь протянул ему второй лист, побольше:

— Прошу младшего знаменосца поставить здесь свою подпись и печать.

Чжан Дашань нахмурился:

— Это еще что...

— Расписка в том, что ты согласился отправить письмо, — невинно и простодушно улыбнулся Фу Сиянь.

Там было подробно расписано не только то, что он поручил переслать послание, но и полностью изложено его содержание. Если к моменту прибытия к третьему принцу письмо не дойдет, это станет неопровержимым доказательством того, что Чжан Дашань нарушил приказ и уничтожил улики.

Чжан Дашань пришел в ярость:

— Ты мне не веришь?!

Фу Сиянь улыбнулся:

— Вы — вышестоящий офицер, должны же понимать всю важность четкого распределения обязанностей и ответственности. Или вы с самого начала планировали в случае чего свалить всю вину на подчиненного?

— Хватит нести чушь! — Лицо Чжан Дашаня посинело. Он в упор уставился на Фу Сияня с такой яростью, что Чжоу Гэнг даже напрягся и уже был готов пустить в ход кулаки, но тут Чжан Дашань скривил губы в подобии улыбки: — Ха, да хоть подпишу.

Выводя каракули, Чжан Дашань на ходу бросил:

— У вас есть какие-нибудь продвижения?

У Фу Сияня, разумеется, никаких продвижений не было, поэтому он лишь вздохнул:

— Возможно, принцесса вовсе и не направлялась в наши края, сидеть здесь — пустая трата сил.

Заметив, что тот все еще горит желанием сбежать, Чжан Дашань сузил глаза:

— А в поместье Люму ты заглядывал?

— Зачем мне тащиться в поместье, думаешь, принцесса знакома с кем-то из местных?

— Тан Гун из поместья Люму всегда славился своей готовностью прийти на помощь и справедливостью, в народе его называют не иначе как живым Мэн Чаном. Если к нему за помощью обратится раненая беспомощная девушка, он не останется в стороне. Быть может, принцесса сейчас прячется как раз там.

Фу Сиянь подумал про себя: в прошлый раз, когда он слышал фразу «готов прийти на помощь и справедливость», ею описывали разве что Сун Цзяна.

Он сразу понял, что Чжан Дашань просто боится его побега и намеренно держит на крючке с помощью этого поместья Люму. Впрочем, уходить он пока и не собирался — в конце концов, за пределами Пэйцзечжэня, улочки и переулки которого они уже исходили вдоль и поперек, было еще опаснее. Поэтому Фу Сиянь послушно кивнул в ответ:

— Благодарю младшего знаменосца за подсказку.

Выйдя из постоянного двора, троица прогулялась по базару. Чжоу Чжунсинь и Чжоу Гэнг выглядели оживленными и сияли от восторга, словно только что одержали великую победу, и лишь Фу Сиянь брёл без малейшего энтузиазма.

Вернувшись под вечер в гостиницу и заперев дверь, Фу Сиянь тяжело вздохнул и скормил пламени свечи бумагу с подписью Чжан Дашаня.

Чжоу Гэнг испуганно ахнул и попытался сбить пламя, чтобы спасти улику, но огонь разгорелся слишком сильно и в мгновение ока обратил записку в пепел.

Высыпав пепел в ночной горшок и обернувшись, Фу Сиянь увидел два застывших от потрясения лица и был вынужден объясниться:

— В истории с отравленным голубем Чжан Дашань вне подозрений остаться не может. Если бы он отказался ставить подпись, у меня оставалась бы хоть капля надежды, но раз он без колебаний расписался, значит, твердо решил не выпускать меня из Пэйцзечжэня живым.

Чжоу Гэнг возразил:

— Да мало ли чего он хочет, разве это значит, что у него получится!

Фу Сиянь покачал головой:

— Мы на свету, а враг в тени, нужно готовиться к худшему. Если за ним действительно стоит Чу Гуан, он наверняка действовал не один. Не забывайте, Чу Шаоян тоже где-то неподалеку.

Лица братьев Чжоу разом посуровели.

— Эта записка была уликой против Чжан Дашаня, и он непременно захочет ее заполучить. Вместо того чтобы вечно прятать ее и дрожать от страха перед каждым шорохом, лучше сделать так, чтобы он никогда ее не нашел. Кто знает, возможно, в критический момент это даже спасет нам жизни.

В конце концов, враг уж точно не мог предположить, что они собственными руками уничтожат улику и пускать ветру наглядное доказательство.

Пока Чжоу Гэнг всё еще сидел в глубоких раздумьях, Чжоу Чжунсинь уже просветленно кивнул:

— Младший господин невероятно умен. Что нам делать дальше?

— Дальше мы начнем рассылать весточки во все стороны, — Фу Сиянь с большим трудом завел за спину свои пухлые ручки и принял загадочный, исполненный глубокого смысла вид. — Если мышка не шевельнется, как узнаешь, сколько котов вокруг нее собралось?

Завести руки за спину оказалось настолько тяжело, что он невольно издал натужный стон.

Братья Чжоу приняли это за проявленный гнев, тут же опустились на одно колено, и Чжоу Чжунсинь громогласно отрапортовал:

— Не беспокойтесь, младший господин! Мы ценой собственных жизней защитим вашу безопасность!

Фу Сиянь от неожиданности сам не заметил, как развел руки в стороны, и с облегчением выдохнул:

— Ладно-ладно. Встаньте, давайте поговорим стоя.

Братья переглянулись. Раз господин так сильно им доверяет, они ни в коем случае не смеют его подвести!

Чжоу Чжунсинь заговорил:

— Вообще-то, есть одна вещь, которая не дает мне покоя.

Фу Сиянь кивнул:

— Я тоже считаю кое-что странным. С чего это вдруг Чу Гуану понадобилось присылать именно Чжан Дашаня? Неужели в Шу больше не осталось полководцев, раз в авангард отправили Ляо Хуа? Для убийства прислать какого-то рядового голубевода-связиста!

Словно получив неоспоримое подтверждение своей догадке, тон Чжоу Чжунсиня стал еще более твердым:

— Наверное, потому... что он владеет весьма необычным искусством.

— М? Насколько необычным?

Пламя свечи вдруг затрепетало, бросая пляшущие тени на лицо Чжоу Чжунсиня, создавая по-настоящему жутковатую атмосферу, и тот зловеще протянул:

— Долина Марионеток.

Глава 15. Кто хочет меня убить? (Часть 2)

Стоило лишь произнести название «Долина Марионеток», как языки у всех разом развязались.

Воспользовавшись затишьем в полдень, троица заказала в комнате целый стол блюд и принялась пить, закусывать и болтать.

Первым слово взял Чжоу Чжунсинь:

— После того как Мо Сяожань, глава Долины Марионеток, вошел в семью зеркала Неба и Земли, большинство его учеников скрылись из виду. Лишь Тун Фаньюй объединила под своей рукой боевые искусства всего Запада и основала Город Десяти Тысяч Зверей, превратив его в логово безумных демонов.

Чжоу Гэнг поддержал его:

— Методы Долины Марионеток всегда были извращенными и грязными, праведные боевые искусства извечно презирали их. В свое время, если бы не отказ хозяина зеркала Неба и Земли, Мо Сяожаня и его последователей давно бы вырезали под корень. Эх, зеркало Неба и Земли и Дворец Бессмертных некогда были двумя столпами праведного пути в мире цзянху, а теперь взгляните на них: один погряз в демонизме, а другой сам скатился до ереси!

Заметив, что атмосфера за столом начала сгущаться, Фу Сиянь тут же поднял чарку:

— Так, давайте-ка выпьем! Прекрасный день, нечего портить его мрачными разговорами, за здоровье!

Каждый осушил свою чарку до дна, после чего они вернулись к прерванному разговору и вновь принялись гадать, кто же стоит за спиной Чжан Дашаня.

Чжоу Гэнг наотрез стоял на своем — во всем виноват Чу Гуан. В его устах двуличность Чу Гуана выглядела искуснее трехстороннего копья Эрланг-шэня.

А вот Чжоу Чжунсинь склонялся к первоначальной догадке Фу Сияня:

— Клан Чу и клан Фу служат при одном дворе, неужели они стали бы устраивать покушение из-

за какой-то мелкой ссоры?

Чжоу Гэнг проявил упрямство:

— Злодейство злых людей подобно водам Хуанцюаня: пока не столкнешься лицом к лицу, и в страшном сне не представишь, на что они способны.

Чжоу Чжунсинь и Фу Сиянь, никогда в глаза не видевшие вод Желтого Источника, могли лишь молча развести руками.

Фу Сиянь отпил еще немного вина и неторопливо произнес:

— Ходят слухи, что в былые годы Мо Сяожань владел искусством марионеток в совершенстве и мог повелевать всем живым. Если мастер уровня Входа в Дао попадался на его уловку, он тоже неизбежно превращался в послушную марионетку. Чжан Дашань повсюду таскает за собой голубей — это говорит о том, что он способен контролировать лишь существ, с детства напичканных дурманящими травами. Он все еще находится лишь на пороге Долины Марионеток. Голуби годятся разве что для разведки, но в бою они бесполезны. Вряд ли он главный палач, но нам всё равно нужно остерегаться скрытых ударов.

Чжоу Гэнг изумился:

— Младший господин так хорошо разбирается в Долине Марионеток?

Сдержанно кашлянув, Фу Сиянь бросил:

— Слышал кое-что.

Распространяться дальше он не стал, а Чжоу Гэнг с Чжоу Чжунсином, проявив такт, не стали допытываться и сами перевели разговор на поместье Люму. Правда, Чжоу Гэнг наотрез отказался туда идти. Прямолинейный парень заявил:

— Вы же сами говорили: поступать наперекор злодеям — значит помогать хорошим людям!

Фу Сиянь напустил на себя загадочный вид:

— Нельзя же всегда действовать наперекор. Иногда нужно делать наоборот, а иногда следовать правилам, чтобы у противника возникало ощущение нашей непредсказуемости и непостоянства.

Чжоу Гэнг ничего не понял и только захлопал глазами.

Чжоу Чжунсинь изрек:

— Младший господин прав. Поместье Люму пользуется славой защитников справедливости, вряд ли они станут якшаться с Чжан Дашанем. Скорее всего, это просто отговорка, которую Чжан Дашань придумал, чтобы не выпускать младшего господина из Пэйцзечжэня. Но раз тот пройдоха говорил, будто в поместье есть искусный лекарь, почему бы нам не заглянуть туда? Глядишь, он и впрямь исцелит хвори младшего господина.

О, в такой формулировке ему было все понятно.

Бросив взгляд на мягкие округлости фигуры Фу Сияня, Чжоу Гэнг мгновенно проникся этой идеей.

Хотя сам Фу Сиянь ни на что особо не надеялся, но и портить боевой настрой не стал, так что вопрос был решен окончательно.

Прежде чем отправиться в поместье Люму, троица заглянула на почтовую станцию и отправила целую сточку самых безумных писем: послания с акростихом вроде Твой папаша шлет тебе привет, абстрактные мазни, в которых даже Пикассо не смог бы разобраться, базовые диалоги на чужеземном языке и тому подобное.

Эти письма должны были случайным образом разъехаться по разным округам и уездам.

Фу Сиянь посчитал, что этого хватит, чтобы заставить Чжан Дашаня и стоящих за ним людей поломать головы на долгое время. Оставалось надеяться, что хоть ненадолго они оставят его в покое.

Поместье Люму было одной из достопримечательностей Пэйцзечжэня, найти его оказалось проще простого. Вот только легендарная спасательная станция, которая, казалось, должна была работать круглосуточно, сегодня стояла наглухо закрытой, излучая фальшь и несоответствие собственной громкой славе.

Чжоу Гэнг подошел и постучал в ворота. Привратник, узнав, с чем они пришли, вежливым, но непреклонным тоном отказал под предлогом того, что у хозяина дела, но в качестве утешения вручил дорожные деньги — цуньи.

Деньги оказались весьма щедрыми, и Фу Сиянь постеснялся нагло настаивать на своем. Они уже развернулись, чтобы уйти, как вдруг увидели нескольких стражников с кривыми мечами на поясах, которые спешно направлялись к поместью. Привратник, едва заметив их, даже не стал расспрашивать — с глубоким почтением отворил калитку и провел гостей внутрь.

Серебро в руке Чжоу Гэнга мгновенно потеряло всю свою привлекательность.

Перед тем как войти, старший из стражников бросил на них особое внимание и обернулся.

Фу Сиянь тут же отвел взгляд и сделал вид, что с усердием стряхивает с плеча Чжоу Гэнга несуществующую пыль.

Чжоу Гэнг был тронут до глубины души:

— У меня другое плечо еще грязнее...

Чжоу Чжунсинь не желал смотреть на глупого младшего брата и тихо бросил Фу Сияню:

— Похоже, привратник не соврал, в поместье Люму и вправду что-то случилось.

Фу Сиянь кивнул. Но оставаться здесь и болтать было нельзя, поэтому он первым зашагал в другой конец улицы. Братья поплелись следом. Пройдя так какое-то расстояние, Чжоу Гэнг больше не мог сдерживать любопытство и выпалил:

— И что нам теперь делать?

Фу Сиянь задумался:

— Как думаете, а вдруг Чжан Дашань был прав, и принцесса действительно прячется в поместье Люму?

Братья переглянулись. Золотая ветвь и нефритовый листок императорского рода, затерявшиеся в глухом городишке и тайком отдающие приказы стражникам — такое вполне могло быть.

Зная, как сильно Фу Сиянь шарахается от принцессы при любой возможности, Чжоу Гэнг предложил избавиться от этой головной боли:

— Неважно, правда это или нет, давай доложим Чжан Дашаню и пусть сам ломает голову.

У Фу Сияня тоже промелькнула эта мысль, но он тут же отбросил ее:

— Чжан Дашань жаждет моей смерти, если он воспользуется принцессей, мне станет только хуже.

Например, если принцесса среди ночи позовет его к себе в покои — идти или нет?

Не пойдешь — неподчинение приказу.

Пойдешь, а она потребует разделить с ней ложе — подчиняться или нет?

Откажешься — снова неподчинение.

Согласишься... В общем-то, ничего страшного, ведь он как раз собирался разорвать помолвку, и благородная невеста на пороге пришлась бы как нельзя кстати. Но он боялся, что посреди ночи принцесса завопит о насилии, и тогда его казнят уже вполне заслуженно.

Он хмыкнул:

— Пожалуй, лучше сперва пробраться в поместье Люму и осмотреться.

Чжоу Гэнг предложил:

— Тогда вернемся ночью?

Фу Сиянь не удержался от шпильки:

— Прийти после наступления темноты, а уйти до рассвета — мы что, устраиваемся на ночную смену к создателям Рассказов Ляо?

Чжоу Гэнг ничего не понял и вопросительно уставился на брата. Чжоу Чжунсинь тоже ничего не понял, но виду не подал, сохранив привычную невозмутимость. К сожалению, братская связь оказалась слишком сильной, и Чжоу Гэнг тут же раскусил его по одному взгляду, презрительно фыркнув. Братья отстали от Фу Сияня на два шага и тихонько зашептались.

Постепенно их перепалка стала громче.

Чжоу Гэнг возмутился:

— Брось, я не верю, что ты понял! Иначе объясни, что только что сказал младший господин!

Чжоу Чжунсинь ответил:

— Младший господин имел в виду, что нужно найти Го Пина.

Чжоу Гэнг никак не ожидал, что тот и впрямь угадает, и изумленно замер.

Заметив, как Фу Сиянь без лишних церемоний толкает приоткрытую калитку, Чжоу Чжунсинь молча шмыгнул за ним.

Внимательно приглядевшись, Чжоу Гэнг только и смог выдохнуть: «...» Да какое там понял! Он просто прочитал название на табличке у входа!

Го Пин как раз занимался домашними делами: заносил в дом сушившиеся во дворе целебные травы и раскладывал их по кучкам для сортировки.

Возможно, из-за того, что во время предыдущих двух визитов Фу Сиянь не причинил ему никакого реального вреда, теперь он смог встретить гостей с относительным спокойствием. Он даже поднес чаю, ведя себя так, будто они старые добрые знакомые.

Фу Сиянь зашел с козырей:

— Ты в прошлый раз говорил, что мою болезнь можно вылечить?

Го Пин покачал головой:

— Не я сам. Я знаком с одним странствующим книжником из поместья Люму, он силен в лечении хворей от холода. Я заговорил с ним о твоём недуге, правда, не раскрывая твоего имени, и он сказал, что это может быть из-за сырости и холода, проникших в тело, и закупорки меридианов.

Фу Сиянь уже столько раз слышал подобные диагнозы, что даже не поморщился:

— Но я слышал, что сегодня поместье Люму закрыло двери для гостей. Боюсь, попасть туда будет непросто?

Го Пин удивился:

— Неужели и вправду закрыто? — по его понятиям, ворота поместья Люму всегда были распахнуты для любых странников. — Тогда, может, мне сходить разведать обстановку?

Он уже поднялся на ноги, собираясь уходить, но Фу Сиянь остановил его:

— Мы пойдем с тобой. Моя болезнь — дело серьезное, если удастся остаться в поместье на ночлег и получить круглосуточную заботу лекаря, это было бы лучше всего.

Го Пин кивнул, запер дверь своего дома и они тронулись в путь.

Небо уже клонилось к закату, и с каждой улочки густыми волнами покатались аппетитные запахи жареного и вареного мяса.

Живот Фу Сияня тут же среагировал парой громких рулад, а стоило им равняться с уличной лавкой, где жарили шашлыки, ноги сами собой приросли к мостовой.

...

Вчетвером они набросились на еду у лотка с шашлыками, набили животы и измазали губы жиром, после чего с превеликим удовольствием продолжили путь.

Чжоу Гэнг немного тревожился. Обойдя Фу Сияня, он тихонько спросил Го Пина:

— Младший господин сегодня столько всего налопался, его болезнь от этого не станет еще тяжелее?

Го Пин все еще затаил обиду за то, что в прошлый раз они стянули с него штаны, поэтому с ехидством ответил:

— А что же ты его не остановил?

Чжоу Гэнг нахмурился:

— Ты лучше скажи, есть тут связь или нет? Если нет, какого черта я должен был его останавливать?

Го Пин подавился от такой наглости и выдал нечто невнятное о том, что точно не уверен. Чжоу Гэнг презрительно цыкнул, и откровенное презрение так и засияло на его лице.

Внутри Го Пина закипела злость. Он ускорил шаг, поравнялся с Фу Сиянем и принялся с увлечением расписывать красоты поместья Люму. Заметив, что Фу Сиянь увлекся его рассказами, он ловко сменил тему и между делом принялся расхваливать братьев Чжоу. Пока он говорил, он исподтишка косился на лицо Фу Сияня, но, увидев, что тот разделяет его похвалу искренне, потерял интерес, отделался парой дежурных фраз и замолк.

Вскоре вся четверка добралась до бокового входа в поместье Люму. Го Пин постучал в дверь привратника и передал прошение о встрече. Спустя совсем немного времени к ним быстрым шагом вышел высокий и худой мужчина средних лет с закрученными усиками.

Они о чем-то пошептались с Го Пином, тот незаметно сунул усачу в руку кошель, и только тогда тот с кислым видом закивал, ведя их к уединенному внутреннему двору, расположенному совсем недалеко от боковой калитки.

Проводив гостя, Го Пин вернулся не сразу, а когда появился, лицо его было бледным и странным. Украдкой оглядевшись и плотно прикрыв за собой дверь, он шепотом сообщил Фу Сияню:

— Я узнал, что стряслось в поместье Люму!

Неужели сплетни?!

Братья Чжоу тут же наострили уши и подались вперед.

Го Пин покосился на них, обошел Фу Сияня с другой стороны и прошептал:

— В поместье пропало множество людей!

В голове Фу Сияня мгновенно всплыла жуткая история о торговле людьми под прикрытием благотворительности:

— Как пропали?

Го Пин сглотнул слюну и продолжил:

— Понятия не имею. Несколько групп людей просто исчезли неведомо куда. Сначала пропал старик, ходивший за покупками. Все решили, что он сбежал с казенными деньгами, но управляющий подумал, что старик уже в годах, да и денег при нем было немного, так что шумиху поднимать не стали. Кто же знал, что через день пропадет и вся семья кормилицы жены управляющего — шесть человек! Управляющий послал стражников на поиски, да только те, уйдя, больше не вернулись. Семь или восемь тренированных бойцов — ни живых, ни мертвых, просто испарились без единого звука. Когда слухи разошлись, один из приходящих книжников испугался, оставил прощальную записку и тихонько сбежал. Управляющий забеспокоился, послал людей проверить его дом, а там говорят, что он и вовсе не возвращался. Итого — больше десятка человек вот так взяли и растворились посреди белого дня, разве это не жутко? Хозяин и закрыл ворота для гостей, боясь впутать кого-то еще.

Фу Сиянь: «...» Как бы не к добру это, но сюжет чертовски напоминал завязку классического боевика перед полным истреблением клана!

Чжоу Гэнг подозрительно прищурился:

— Столько народа исчезло, и неужели ни единого звука или предзнаменования? Ладно бы одиночки, но целая семья из шести человек и семеро-восьмеро стражников — они же привлекают внимание, как никто ничего не заметил?

Го Пин вздохнул:

— В том-то и дело! Соседи семьи кормилицы собственными глазами видели, как те ранним утром уходили на свадебный пир. Но на следующий день, когда свадьба уже отгремела, родители жениха уверяли, что те у них так и не появились. От дома кормилицы до дома жениха и двух ли пути не будет, а торговцы лепешками и булочками вдоль дороги отлично помнят, что видели их по пути. Значит, они действительно шли на свадьбу, но что произошло потом — не знает никто. Хозяин уже обратился к властям, но стражники пока не напали на след.

— А стражники? — спросил Фу Сиянь. — Они же вчетвером-впятером владели боевыми искусствами, от них шума должно быть больше, и свидетелей тоже.

Го Пин кивнул:

— Верно. Они первыми бросились в дом жениха, да еще и устроили с хозяевами свару с обыском — время и обстоятельства зафиксированы четко, все соседи подтвердят. А вот когда они разбрелись по округе на поиски, тогда все и пропало.

Чжоу Гэнг невольно прижался к Чжоу Чжунсиню и пробормотал:

— Это не странности, тут явно нечистая сила замешана.

Го Пин согласился:

— Благородный муж не стоит под падающей стеной. Нам лучше не задерживаться в этом поместье Люму.

Фу Сиянь счел его слова абсолютно разумными, развернулся и зашагал к выходу.

Глава 16. Кто слишком много думает? (Часть 1)

Время было уже позднее, и Го Пин постеснялся снова беспокоить того книжника, решив вернуться сегодня домой, а с повинной головой явиться завтра.

Проводив его до дома, Фу Сиянь с братьями двинулись обратно к своей гостинице.

У входа в постоянный двор тот самый сообразительный парнишка, что предупреждал их о голубином помете в еде, зазывал прохожих. Завидев их, он радостно замахал руками:

— Вы пришли не вовремя, только что вас кто-то искал, буквально минуту назад ушли.

Братья тут же подумали на Чжан Дашаня, но Фу Сиянь сразу почуял неладное: он ведь строго-настрого наказывал пареньку следить именно за Чжан Дашанем, и если бы это был он, трактирщик наверняка прямо так бы и сказал — мол, твой знакомый голубевод приходил.

И действительно, стоило парнишке описать гостя — с иголки одетый, с лицом человека и сердцем зверя, — как в памяти Фу Сияня всплыл...

Чу Шаоян?!

Фу Сиянь машинально прижал руку к груди. В этот момент у него возникло странное чувство, будто он играет в коршуна и цыплят, и хищник уже пикирует прямо на него — сердце колотилось так бешено, что казалось, вот-вот случится приступ.

Чжоу Чжунсинь настороженно оглядел улицу, а Чжоу Гэнг тут же спросил:

— Что он сказал?

<http://bllate.org/book/19792/1950355>